

Лица эпохи

*Владимир Анатольевич
Никешкин, начальник отдела по
расследованию особо важных дел,
старший советник юстиции.*

Остается ли хоть одно преступление безнаказанным? Вопрос может показаться излишним — все знают, что в нашей практике достаточно нераскрытых преступлений, «глухих», как мы их иногда называем. Есть жертва, но нет арестованного и осужденного злодея. Но всегда ли наказание — это нечто внешнее: судебный приговор, тюремный срок? Быть может, есть иная карающая инстанция и иные меры наказания?

В конце прошлого года в отделение милиции пришел мужчина и заявил о том, что

он якобы совершил семь лет назад убийство двух человек. Его, конечно, послали куда подальше: никто серьезно этого признания не воспринял, а связываться с «психом» — кому надо? Но вскоре мужчина пришел во второй раз с тем же заявлением... В конце концов, он попал к нам. Стали разбираться.

Действительно, за 1993 год у нас числились нераскрытыми несколько убийств. Среди них было и убийство двух человек, мужчины и женщины, о котором рассказал нам заявитель. По делу проходили несколько человек, но у всех имелось «железное» алиби, и преступник так и не был найден. Мужчина же рассказал такие подробности об этом убийстве, что мы не могли ему не поверить.

Во время бесед с этим человеком меня очень интересовал один вопрос: почему он после стольких лет пришел с повинной?

— Ведь мы уже перестали искать убийцу, — говорю я ему. — Тебя бы никто не нашел, и жил бы ты спокойно и дальше.

Он мне ответил:

— Вы знаете, я за это время столько перетерпел, столько мук перенес... Даже пытался покончить жизнь самоубийством. Меня жутко гнетет совершенное мной. А последний месяц я вообще не мог спать, просыпался весь в холодном поту среди ночи от одного и того же сна — стою на берегу реки, и вдруг из нее выползают множество змей, окружают меня, обвиваются вокруг тела и начинают душить.

— Ну, вот ты пришел к нам и рассказал о содеянном. Что, лучше стало?

— В первую же ночь после признания я уснул и не видел никаких снов. Сейчас мне спится спокойно, — сказал он.

В июле этого года состоялся суд. На судебном заседании и адвокат, и судья предлагали подсудимому отказаться от своих показаний, потому что никаких других доказательств его вины не было, и он мог быть освобожден прямо в здании суда. Но этот человек отказался. Он подтвердил свои слова о том, что именно он совершил убийство, и что должен нести за это свой крест до конца. Его осудили на шесть лет. Кажется, что за два трупа это немного. Но если вспомнить семь лет, которые он провел в душевных муках...

В мир прокуратуры я попал, можно сказать, почти случайно, в результате юношеского спора.

С детства мама готовила меня к профессии хирурга. Она была медицинским работником и почему — то решила, что из меня получится классный хирург. После окончания школы я попал служить на флот. Три года был электротехником на корабле Тихоокеанского флота. Работа очень понравилась, хотелось после службы продолжить учебу именно по электротехнической части.

В одном из писем, которое я получил во время службы от своей двоюродной сестры, она сообщала об открытии в Удмуртском государственном университете нового факультета — юридического. Сестра писала, что этот факультет очень перспективный, но попасть в него практически невозможно — конкурс 10 человек на место. Тогда впервые у меня родилась мысль попробовать свои силы и поступить на юридический.

После демобилизации передо мной встал сложный вопрос — куда пойти учиться, какая профессия станет моей на долгие годы? Своими размышлениями я поделился с девушкой, которая мне очень нравилась. Когда она услышала, что у меня есть мысль поступить на юридический факультет УдГУ, она выразила сомнение в успешности такой попытки с моей стороны.

— Поступить на юридический? — сказала она. — Да это же невозможно: там конкурс — более 10 человек на место.

— Чтобы я, да не поступил?! — завелся я. — Спорим, что я буду учиться на юридическом?

— На что? — спросила девушка.

— Ни на что, просто спорим, — ответил я.

Вот так «на спор» была выбрана профессия. Но в жизни ничего случайного не бывает. Даже распределение в органы прокуратуры после окончания учебы в университете получилось незапланированным, но не случайным.

В течение пяти лет я готовил себя к юридической деятельности в области народного хозяйства и даже не помышлял посвятить себя работе в органах МВД, суда или прокуратуры. Но жизнь вновь поступила по — своему.

Когда я получил диплом и искал место своей будущей службы, у меня на руках уже была моя молодая семья: жена и двухнедельная дочка. Выбор оказался очень ограниченным, в город по моей специальности практически никого не распределяли. Кто — то посоветовал мне сходить в республиканскую прокуратуру, попытать счастья

там.

Начальником отдела кадров был тогда Ювинарий Несторович Русских. Он принял меня, молодого и самоуверенного выпускника юридического факультета, очень просто и доброжелательно.

— Выпьешь чайку со мной? — сказал он спустя минуту после нашего знакомства.

Вся моя спесь и гонор как — то сами собой растворились. Русских предложил мне работу в прокуратуре.

— А зарплата какая? — в первую очередь спросил я.

Зарплата оказалась очень небольшой, но что — то во мне уже пошатнулось, и я впервые серьезно задумался о возможности работы в органах прокуратуры.

Дело в том, что многие наши студенты уже с четвертого курса работали в районных прокуратурах. И это все были очень порядочные, хорошие ребята. А тут еще такой доброжелательный прием, приятное общение с умным человеком, начальником отдела кадров... И я согласился.

Десять месяцев проработал следователем в Индустриальной прокуратуре, а затем меня забрали в республиканскую. Через четыре года руководство решило сделать меня заместителем начальника следственного управления прокуратуры республики. Но на этой должности мог работать только юрист с десятилетним стажем работы, и Москва сначала не утвердила мое назначение.

Заместителем генерального прокурора был тогда весьма крутой человек Борис Петрович Наместников. Он сказал Походину, который представил ему мою кандидатуру:

— Не положено, нельзя. Мы нарушаем все наши правила.

Виктор Михайлович сказал тогда зам. генерального:

— Ну, нельзя так нельзя. Только у меня есть просьба: вы его просто вызовите к себе, постажируйте немного, приглядитесь к нему.

В апреле 1985 года меня вызвали в Москву, провели по всем кабинетам, заставили составить бумаги, изучить материалы, провести анализ, сделать доклад. В общем, где — то неделю продолжалось испытание, по окончании которого все чиновные начальники вынесли свое решение: го ден.

Борис Петрович Наместников вызвал меня

к себе в кабинет, поговорил со мной минут сорок и утвердил в должности зам. начальника республиканского следственного управления.

Адская работа, должен я сказать. Пожалуй, самая тяжкая за всю мою прокурорскую карьеру. Семь с половиной лет я пребывал в этом аду... Отвечал практически за всех следователей Удмуртии, рычагов воздействия на них, полномочий было немного, да и те приходилось завоевывать, а ответственности — через край. За каждое возвращенное дело спрашивали с меня. И когда Виктор Михайлович Походин предложил перейти на должность начальника отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры республики, я с радостью согласился. Работа на этом месте кажется мне настоящим раем по сравнению с прежней.

Наша работа имеет дело с тончайшей человеческой сутью — душой. И принцип «не навреди» для нас не менее актуален, чем для хирургов. Не навреди ни другим, ни себе и своим близким. Потому что от наших вмешательств в человеческие судьбы зависит очень многое. Человек может встать на правильный путь или окончательно разувериться в правосудии и справедливости.

Вообще, я сделал для себя очень банальный вывод: земля — она круглая. Если ты запустил зло, оно к тебе обязательно вернется, во сто крат усиленное. Если же ты стараешься делать благо, вкладываешь в свое дело добрые начала, то и все хорошее возвращается к тебе, усиленное людской

добротой. И даже малейшая несправедливость, невнимание к человеку оставляют в твоей душе неизгладимое впечатление.

Помню одно из своих первых дел. Очень простое, в котором не нужно было искать преступника и доказывать его вину — он был задержан на месте происшествия за сопротивление работнику милиции. После проведения очной ставки я внес в протокол слова милиционера, которые он сказал мне до нее. Эти показания показались мне проясняющими суть дела, но задержанный во время проведения очной ставки их слышать не мог. И когда я зачитал протокол, задержанный страшно возмутился и обиделся.

— Он же такого не говорил?! — воскликнул он. — Почему вы внесли эти слова в протокол?

До сих пор помню его фамилию — Князев. Конечно, была ошибка с моей стороны: добросовестно заблуждаясь, я машинально внес в протокол показания милиционера, которые он дал мне накануне. В правдивости его слов сомневаться не приходилось, да и сам подследственный не отрицал их потом. Но во время очной ставки эти слова сказаны не были! И получилось, что я крепко обидел человека, невольно сфальсифицировав показания работника милиции. И до сих пор память об этом случае хранится во мне как неприятный осадок.

Интересно получается — работая с механизмами наказания, боишься несправедливо обидеть человека. Преступный мир очень тонко воспринимает любую подлость, нечестность, предвзятость, допущенную работниками правоохранительных органов. Казалось бы, а почему мы должны оглядываться на то, что о нас думают преступники? Давить бы их надо всеми доступными способами и методами! И я знаю, что такие способы существуют, но не применяю их принципиально, потому что успех в борьбе с криминалом напрямую зависит, как мне кажется, от нашей порядочности и репутации.

Сегодня у нас очень актуальна тема борьбы с организованной преступностью. Одной из форм этой борьбы является так называемое «соглашение о непризнании вины». Суть ее в том, что с человеком, так или иначе связанным с организованной преступностью, заключается соглашение, в котором он со своей стороны обещает помочь в разоблачении банды, а мы со

своей — обеспечиваем ему минимум наказания или вообще освобождаем от него. На Западе подобная практика существует уже многие годы, но наши законодатели до сих пор отклоняют все подобные поправки, вносимые в Уголовный кодекс. Поэтому у нас остается единственное оружие — наше честное слово.

Беседа с человеком, способным помочь в разоблачении мафиозной группировки, я могу только на словах гарантировать ему смягчение наказания. У меня нет права письменно подтвердить свое обещание: дать расписку, сослаться на статью УК. Я знаю, что в уголовном мире моя репутация всем хорошо известна, и человеку не составит большого труда «навести о ней справки».

***Если хоть один раз ты
не сдержал своего слова,
замарал свое имя
нечестностью,
несправедливостью —
все, тебе уже не поверят
никогда. Поэтому в
нашем деле репутация
имеет огромное
значение. Об этом я
постоянно твержу своим
следователям: берегите
свое имя, свою
репутацию — остальное
все преходяще.***

И вообще, наверное, главное в жизни — это построить самого себя. Все остальное лишь мешает или способствует этому. Помню, как в детстве я дрессировал свой характер, например, побеждая страх.

Сам я родом из села Ермолаево Киясовского района Удмуртии. Замечательное село, недавно отметившее свое 185-летие. Мой отец рано научил меня водить мотоцикл и приобщил к охоте. Уже в пятом классе я один ходил с ружьем по лесам в поисках добычи. Зимой возвращаться с охоты приходилось уже в

кромешной тьме: уроки заканчивались в три часа дня, а в пять уже темнело. Я же обычно давал круг по лесам около села километров в 15—20, поэтому возвращался домой уже в восемь—девять часов вечера.

Дорога из леса проходила через сельское кладбище. В начале я старался обходить его стороной, но когда заметил в себе эту слабость, — боязнь идти ночью через кладбище, — то решил перебороть в себе этот страх. А было очень страшно... Именно тогда я впервые убедился, что выражение «волосы дыбом» — не метафора. Мне действительно казалось, что шапка на моей голове приподнимается, когда я проходил через ночное заснеженное кладбище, где из-за крестов внезапно и шумно взлетали огромные вороны, а над головой только черное небо мерцало таинственными далекими звездочками...

Ружье я держал наперевес, и в стволе всегда был патрон. Слава Богу, что никто из людей неожиданно не появился мне на пути, а то, наверное, я бы выстрелил — такое было нервное напряжение. Домой приходил весь взмокший от пота, но очень гордый своей победой над страхом.

Наша работа постоянно сталкивает с загадками человеческой природы. Психология преступника — что это такое, из чего она складывается, как зарождается? Ведь и среди убийц, уголовников, рецидивистов, злодеев нет одинаковых. Каждый из них — тоже жертва. Но если преступления они совершают в видимом, материальном мире, то жертвами становятся в мире ином, невидимом и нематериальном.

Недавно мы расследовали одно крупное уголовное дело о банде грабителей, совершившей 27 убийств. Во главе ее стояли две очень сильные личности. Один — недоучившийся студент института Лесгафта, матерый и циничный убийца, другой — бывший чемпион области по тяжелой атлетике, высокий и красивый парень, втянутый в группировку первым главарем.

На одном из допросов мне удалось разговорить его об обстоятельствах одного эпизода уголовного дела. Тогда банда ограбила магазин и расстреляла невольных свидетелей этого ограбления, положив их лицом на пол и выпуская по пуле в затылок. Как фашисты, они расстреляли беззащитных и ни в чем не повинных людей.

Документы

Я чувствовал, что если парень расскажет об этом убийстве, то он расскажет и обо всех остальных. И когда он начал говорить, я увидел, как по его лицу стали пробегать нервные судороги, оно перекашивалось, корчилось в каких-то страшных гримасах. Но после того, как он выговорился, я заметил и другое — словно бы жуткая тяжесть упала с этого человека, его лицо преобразилось на глазах.

Второй же главарь об этом убийстве рассказывал спокойно и легко. Никаких душевных мук, ничего! Оба получили пожизненное заключение, но, мне кажется, главный суд для них еще впереди. И я не знаю, для кого он будет страшнее — для того, кто все-таки сохранил в себе остатки человечности, сострадания, или для другого.

Среди преступников немало людей сильных, по-своему закаливших свой характер. Наверное, у каждого из них когда-то было свое «ночное кладбище». Но они побеждали себя... ради чего, ради каких целей? Кто-то из великих сказал: «Что пьянит сильнее вина? Женщины, власть и война». Тяга к совершению преступления — это, по-моему, что-то похожее на войну. Оно дает человеку сильнейшие эмоциональные ощущения, наполняет жизнь негативным смыслом. Часто приходилось беседовать с преступниками, которые приходили в эмоциональное возбуждение только от рассказов о совершенных ими злодеяниях. Чувствовалось, что они питаются невидимыми излучениями, исходящими от жертвы или от самой криминальной ситуации, что они просто не могут без этого жить. Вампиризм какой-то...

Здесь не обойтись без философского обобщения — у каждого свой путь. Нам до конца все равно не понять то, что происходит в душах убийц и злодеев. Мы можем только сказать: да, и это тоже — Человек...

Анкета арестованного	
Ф.И.О.	Уасб
Место рождения	Томская обл.
Дата рождения	1911 г. 10 мая
Место рождения	с.п. Романовка, Филатовский с/п. УССР
Дата ареста	20.08.1948 г.
Место ареста	с.п. Романовка, Филатовский с/п. УССР
Место заключения	Сиб. лаг.
Место освобождения	Сиб. лаг.

Докладная записка прокурору РСФСР, государственному советнику юстиции 1-го класса т. Блинову В.М.

О работе, проведенной органами прокуратуры УАССР по надзору за исполнением законов об охране сельхозпродуктов нового урожая и о предотвращении порчи и гибели зерна за период с 5 августа по 5 октября 1964 г.

...За отчетный период выявлены два факта разбазаривания зерна на территории Воткинского района.

Так, в колхозе «Дружба» Воткинского района по единоличному распоряжению председателя артели Чуракова Б.Ф. на трудовни колхозникам было выдано по 0,6 кг зерна, а механизаторам по 2 кг, кроме того механизаторам роздано 186 центнеров пшеницы, предназначавшейся для засыпки на семена. Это было сделано несмотря на то, что колхоз не выполнил плана продажи хлеба государству (продано 25%), не возвратил государству из 1311 центнеров ссуды ни одного центнера и не засыпал полностью зерно в семенной фонд.

Председатель колхоза Чураков Б.Ф. решением парткома производственного управления исключен из членов КПСС и прокуратурой района привлекается к уголовной ответственности.

Председателем колхоза «Светлый путь» этого же района Соколовым Н.П. было скормлено скоту из урожая 1964 года 319 центнеров зерна и роздано колхозникам 442 центнера, тогда как план засыпки семян и продажи зерна государству колхозом не выполнен.

По данному факту в возбуждении уголовного дела отказано, Соколов Н.П. за указанные действия привлечен к партийной ответственности.

Зам.прокурора УАССР — С. Петров.

Данные Центрального госархива УР